

Тарус Обуенов

ЭТОТ
печальный
праздник...

Борис ОВЦЕНОВ

**ЭТОТ
ПЕЧАЛЬНЫЙ
ПРАЗДНИК**

Пять тетрадей —
стихи разных лет

Томск — Тюмень
«Вектор Бук Лимитед»
1993 г.

ОБ АВТОРЕ

Борису ОВЦЕНОВУ — 46 лет, его малая родина — совхоз «Коммунар» Исетского района Тюменской области. В 1966—67 годах он учился в Томском политехническом институте. В 1968—69 годах работал в строящемся северном городе

нефтяников Стрежевом, сначала — в стройбригаде, затем — в многотиражной газете. В 1974 году окончил филологический факультет Томского государственного университета. В последующие годы — журналист, сотрудник редакции Томской пригородной газеты «Томское предместье». Живет и работает в Томске.

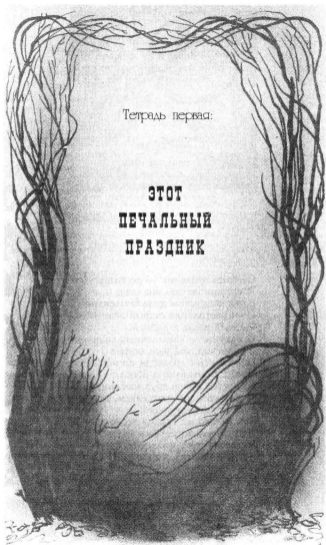
Стихи Бориса Овценова публиковались в томских и кузбасской газетах, в юбилейном сборнике-антологии «Шад Томью серебряный город» (1983).

Сборник «Этот печальный праздник» — первая книжка автора.

Автор сердечно благодарит друзей со школьных лет — земляков из Тюмени Виктора Ивановича и Лидию Ивановну РЯБКОВЫХ за помощь и содействие в издательском выпуске этой книжки!

Тетрадь первая:

ЭТОТ ПЕЧАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

♦ ♦ ♦

Сегодня праздник — ледоход.
Река, притихшая вначале,
Вдруг с хрустом повела плечами
И — растолкала старый лед.
И стала шире и полней.
И льдины — взмысленные кони
В азартной, озорной погоне
Помчались с грохотом по ней!
О, как привольно и легко
Несет река свой груз весенний,
Полна работой и весельем,
И ожиданием гудков!..
Так отчего же сердцу тесно
Под грузом горестных забот?
Душа молчит, и неизвестно,
Когда начнется ледоход.

(1969)

ВЕСНА В ТАЙГЕ

Тайга проснется только в мае,
Стряхнет снега с ресниц не вдруг,
Но в чаще, глянь, уже мелькает
Пушистой тенью бурундук!
Цветастый дятел крупной дробью
В рассвет повеселей стучит.
Косяк гусей над гулкой Обью
Призывно-радостно кричит.
В тени вовсю сквозит ознобом.
Но там, где солнце горячей,
Вдруг шевельнется под сугробом
Еще невидимый ручей —
И ты почувствуешь, как трудно
Земной промерзшей глубине
Идти навстречу крикам трубным,
Навстречу северной весне!

(1968)

ТОМСКАЯ АКВАРЕЛЬ

Непогода с утра
Возвращала нам зиму в апреле.
Нсприкаанный снег
Душу рвал ощущеньем тоски.
Прилетевшая стая
Наохленных птиц свиристелей
Приютилась и мерзла
На кронах берез городских.

Ах, капризный апрель,
Для Сибири — последнее дело!
Хоть была ни к чему
Эта снежной крупы кутерьма —
В город вышла зима,
И своим карандашиком белым
Очертила деревья,
Дорогу, людей и дома.

Не на выпавший снег —
Мы на птиц удивленно смотрели.
В поведении птах
Поражала причуда одна:
В мокрых кронах берез
Тихо слышалось пенье свирели.
Предвсцала тепло
Прилетевшая рано весна!

(1992)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В Аникино — пурга
влет нити снежных зёрен.
В темнеющих логах
тальник тяжел и чёрен.
Поникший, он застыл
в холодном мире этом.
И всё ж хранят кусты
апрельскую примету!
В ней — праздничные дни,
они близки, поверь мне,
Ты только не спугни
шмелей на ветках вербы!
Неважно, что вблизи
они — комочки почк.
Пушистый их визит —
весны отважный почерк!
Им вовсе нелегко
от скорбных потрясений
являть собой приход
всех вербных воскресений —
что след лыжи сотрут,
и льдом на речке треснут.
Но вновь снега умрут,
и вдруг душа воскреснет,
и теплый пар земли
зиме поставит точку,
когда взлетят шмели
и выстрелят листочки!

(1993)

А поэзия ушла.
И пришла за нсю проза.
Мир настолько стал серезен,
Что вот-вот сторгит долла!..
Но, как прежде, у реки
На лужайке в день весенний
У доатомных растений
Пробиваются ростки.

Лезвия добра и зла
Над судьбой нависли грозно.
И пришла на Землю проза.
А поэзия ушла...
Возвращает силу чувств
Мис апрельский ветер влажный.
У травиночки отважной
Чувству вечности учусь.

(1985)

Когда устанет плыть за катером
Реки тяжелая волна,
Над потемневшим дебаркадером
Всплывет ленивая луна.
Качнется облако перистое
В вечернем зеркале воды.
И по мосткам притихшей пристани
В село потянутся следы.
Дорога шумная, рабочая —
Реска примолкнет до утра.
Степенно встанут у обочины
Речные кони — катера.
И заиграют, закачаются
В воде огни, как поплавки.
И застыдятся, запечалются
Над ней далекие гудки.
А здесь, за сельскою окранной,
Где двухэтажные дома,
Вдруг откровенно и отчаянно
Сойдет гармоника с ума!
Сведет за руку песню к берегу,
И там, где дальняя коса,
Обь понесет легко и бережно
В ночи девичьи голоса.
И среди них — светиться баксанм
Далеким — вздрагивать гудкам.
Спать — тальникам густым и бархатным.
И отражаться — огонькам.
А утром вновь за нашим катером
Легко покатится волна,
Когда за старым дебаркадером
Утонет бледная луна.

(1971)

СУДЬБА РЕКИ

Река мелеет постепенно.
Теряет гладь и глубину.
Как будто сходит по ступеням,
Ведущим с берега ко дну.
Давно ль в ней жили ширь закатов,
И шум лесов, и те года,
Когда не знала перекатов
Большая светлая вода
И людям праздники и будни.
Несла, спокойна и строга.
Но вот пришли однажды люди
И распахали берега.
И осушили мелководье,
Вблизи повывели леса.
И потускнели на разводьях
Реки прекрасные глаза.
Она еще течет привольно,
Не тащит камешки по дну,
Но каждый год с глухою болью
Вода теряет глубину.
И этот миг однажды канет:
Река почувствует, спсша,
Как разбивается о камни
Ее глубокая душа.

(1976)

ЖАЖДА (гротеск)

Какая дрянь — вода
В стакан течет из крана!
Химический желток
Разрисовал стекло...
У гбгнушей реки
Не заживают раны,
И грязь в водозабор
Сочится тяжело.

Недалеко — Алтай.
Меж сопок и селений
Прозрачные ручьи
Сбегают в никуда...
У ключевой струи
Ты прсклони колени,
И жизнь твою продлит
Хрустальная вода.

Отравлен Томский край,
Что славился когда-то
И чистою рекой,
И рыбой из реки...
Как жажду утолить?
Торопят жизнь к закату
Убийственной воды
Тяжелые глотки.

(1989)

ГОРОД И ЛЕС

Н. Ф. Шилову

Ягодой спелой дразнит,
Тропкой грибной кружит
Этот печальный праздник
Осени и души!..

Хрустнет на луже тонкий,
Будто стекло, ледок.
Грустно взвосьет над Томью
Поздний буксир гудок.
День позовет прозрачный
За город, на простор.
И за поселком Дачным
Встретит сосновый бор.

Словно в хрустальном детстве
По сентябрю иду.
И никуда не деться
От накативших дум.
Лес растворит усталость
В неге и тишине.
Сколько же встреч осталось
С этим покоем мне?

Хоть и картинно рдеют
Яркой листвы цветы —
Лес за рекой редест,
Стынет от пустоты.
Там, где шумела гордо
Пышных берез краса,
Пашня берет за горло
Пригородные леса.

Здесь вот водились грузди,
Жили боровики.
Нынче увидишь с грустью
Вырубки и пеньки.
Рвемся лишь взять бесплатно,
Тащим мешок большой...
Что-то у нас неладно
С Родиной и душой.

Лес нам прощаст раны,
Примет и топоры.
Осенью вновь поманит,
Щедро отдаст дары.
Будет за хмурой Томью
Взгляду открыт простор.
Встретит ли вас, потомки,
Прежним покоем бор?

Птиц легкокрылых стан
Тонут в голубизне.
Сколько еще осталось
Праздников вам и мне?

(1991)

ПОКРОВ

В старину на Руси подмечали:
Стынь зимы рано вступит в права,
Коль журавушки стаей кричали,
Покидая нас до Покрова.

Нынче вот он, Покров: снег летает,
Белит чисто холстины полей.
Но не слышно курлыканыя стаи.
Не видать и самих журавлей.

Исчезают красивые птицы.
Как нам жить, как остаться без них?
Прогневил природу. Ложится
Снег надолго, печален и тих.

(1990)

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА НА ТОМІ

(шутка)

Укрыла изморозь березы.
Народ попрыгался в дома.
А он, веселый и тверезый,
Вьюсь сходит в пятницу с ума!
Ночь за окном. Звеза сладко,
Рыбак доволен и не хмур:
Готовы снасти и насадка,
Мормышки, шуба, ледобур!
Скандал в семье, ходьба по струнке
Вовек той страсти не сотрут.
Он от жены в холодной лунке
Уйдет тихонько по-утру.
И, весь сияя от мороза,
Как медный грош иль новосел,
Он... две горсти... «описторхоза»
С реки под вечер принесет.

(1983)

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Синее — морозное,
Снится наяву
Это небо звездное,
Под каким живу.
Столько снега звонкого
Намела Земля
В голубые, тонкие
Лунные поля!
Там петляют, светятся,
Прячутся в кусты
От следов Медведицы
Заячьи следы.
Яростно озвончены
Лаем за версту,
Подминают Гончие
Снега чистоту.
Оседает вьюгами
Звездная пыльца,
И звенит упругая
Тетива Стрельца!..
В домике лесничего
Слышу — вдалеке
Скрип саней Возничего
По Большой Реке.

(1973)

В. Воробьева

Чувство чуть неземное
Кто-то мне подарил:
Зов природы весною —
Взмахом ангельских крыл!
Божьи слуги и предки,
Может, и не при чем.
Только в мае нередко
Снятся речка и чели,
Ягод красная осыпь,
Запах леса грибной,
Повернувшийся косо
Рыбий бок под волной,
Настоявшийся, сладкий
Вкус ухи от костра,
Под намокнутой палаткой
Долгий звон комара!..
Повезло бы с погодой,
Чтоб узреть не спеша,
Как живьем на природу
Отлетает душа!

(1992)

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (Полдень)

Ветер ли тронет тугую стрелу тростника,
Птица ли вскрикнет и в небо свечою вззовется —

Вспомнится полдень. Сверкнет синей лентой река,
И благодарным толчком сердце на зов отзовется.

Там, у реки, в многоцветья искошенных трав,
В царстве стрекоз, теплых запахов, ветра и света,

Мальчик беспечный, покинув селенье с утра,
Вольною птицей живет, постигая фантазии лета.

Школе природы неведома горечь причин
Хода планет, взмаха крыльев и свежести красок.

Мальчик впервые таинственный мир приручил,
Весь, целиком! — и торжественный полдень
прекрасен.

Мальчик владеет богатством, он счастлив и юн.
Взрослая жизнь лишь игра в этом мире, не боле.

Бьют родники. Земляникою пахнет июнь.
Мудрость еще не несет ни печали, ни боли.

Речка всплеснет и прохладой загар осветит.
Нет на Земле ни измены, ни лжи, ни укора.

Радостный длится урок воспитания души.
Время платить и разбрасывать камни — нескоро.

Вот он мне машет рукой, призывая меня.
Я бы вернулся, да жизнь в его мире мгновсна.

Дважды в поток не войти. И колени обняв,
Я его жду на закате у края Вселенной.

(1991)

СЛОВО

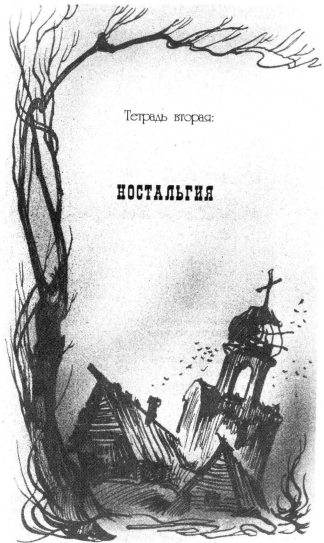
(Нет имени тебе, мой дальний.)
А. Блок.

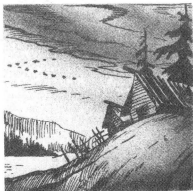
Золотая пора узнаванья!
Скрипнет дверь, ты покинешь жилье:
Мир, еще не имевший названья,
Вдруг шепнет тебе имя свое!
Имя есть и скворцу и сосне,
Васильку и задумчивой речке.
Так пленительна речью сердечной
Каждый шаг по родной стороне!
Но, чем дальше уходишь от мест,
Где впервые слова прозвучали,
Тем настойчивей слышишь окрест
Горний, облачный голос печали:
«Лес и птицу, цветок и волну
Ты пленить чуждом именем волси.
Но душой не избавлен от боли
Быть у отчих названий в плену!
Воротись, чтоб у края лесного
Вновь принять, не вставая с колен,
Изначально российского слова
Добровольный и радостный плен!»

(1993)

Тетрадь вторая:

НОСТАЛЬГИЯ

С этой болью,
Видно, не расстанусь.
И никто не скажет,
Отчего
Тяжкая нахлынула
Усталость
На границу сердца
Моего.

За обман
Неверие заплатит.
За судьбу —
Бессонница в ночи.
Человек
От этого не плачет.
Но народ
От этого молчит.

Боль страны
Как рана ножевая.
От нее не скроешься
Вдали.
Что же делать?
Ведь душа живая
По России горестной
Болит.

(1991)

В дивном русском краю,
 На пространствах глухих и неизвестных,
 Мир сказать не рискнет,
 Что случится с тобой и со мной.
 Он на каждом из нас,
 Дальний отблеск кровавого знамени.
 Вот и ненависть жжет,
 И обходит любовь стороной.

Всё ж придется самим
 Постигать, почему век от века нам
 Бестолковая жизнь
 Сходит с рук, хоть горька и смешна.
 Покаяния ждем?
 Но в державе покаяться некому.
 Среди тех, кто бы смог —
 Гробовая стоит тишина.

В нас то зависть, то злость.
 По лесам не схоронены павшие.
 Меж веселья живых
 Сиротест и стынет душа.
 Неужель не поймем,
 От великих обманов уставшие,
 Что не стоит мечта
 Даже легкой слезы малыша!

Но... кружит карнавал.
 В моде маски, сатиры и травести.
 Вновь забавой толпе —
 Красный факел, топор и петля.
 И пророчит судьба
 Нам во всем докатиться до крайности,
 Чтоб, разрушив, начать
 В понедельник, с похмелья, с нуля.

(1992)

1

Утро в сказочном инсе
 Птиц проводит туда,
 В небо тихое, синее,
 Как морская вода.
 Им всё дальше от пристани,
 От причальной волны,
 От усыпанной листьями
 Дорогой стороны.
 И лететь просто вроде бы,
 Да сильнее, не секрет,
 Чем прощание с Родиной,
 Испытания нет.
 Небо — штука серьезная.
 Загресмит, и тогда
 Будет черное, грозное,
 Как морская вода!
 Будет больно и странно им
 Очутиться в беде,
 Над чужими над странами,
 В незнакомой воде.
 Но, окрепшие в мужестве,
 Чуть повест весной,
 Голоса их, как музыка,
 Зазвучат надо мной.
 Станет доброй приметой:
 Птицы в милом краю
 По-над речкой привешивой
 Гнезда новые вьют.
 Здесь вам, птиц российскийские, —
 Пашня, травы, звезда,
 Небо тихое, синее,
 Как морская вода.

2

Им бы жить да крестьянствовать
 Под российским крылом.
 Но на дальние странствия
 Их обрек Перелом.

Вождь — фигура опасная,
Бровь нахмурит, и вот
Повеление властное
Всех отправит: «Вперед!»
Тихо люди прощаются,
Свой уклад поломав.
И в деревне печальные
Умирают дома.
Там, где жили и сеяли,
Грач гнезда не совет.
И не к югу, а к северу
Предстоит перелет.
Окна гасятся ставнями.
Взгляды слепнут от слез.
То, что миром оставлено,
Превратится в погост.
Да поможет им мужество,
И согрест звезда,
Чтоб однажды отмучиться
И вернуться сюда!
Прилететь хоть туристами,
Вспомнить ради Христа
Боль родительской пристани
В позабытых местах.
Ах, вы, лозунги гордые,
Что зовут в никуда!..
Жизнь соленая, горькая,
Как морская вода.

(1969-1989)

СКАЗ О ПЕТУШИНОЙ ГОРЕ

В этом доме, очень старом и усталом,
За селом, чуть в отдалении, на горе
Жил когда-то старичок один отсталый,
И петух, его будивший на заре.
Петушок был заваливающий, не к обеду.
С виду, в общем, был несостоящий петух.
Но за голос приглянулся, видно, деду:
Так орал, что аж захватывало дух!
Дед садился на крыльцо и молча слушал
Голоса коров, туман, рассвет,
Петушину заливистую душу
И речное эхо, вторившее вслед.
Жизнь прошла. Чего ему, какие беды?
Нет старухи, нет родни в селе большом.
Не вернулся старший сын после Победы.
Где-то жив в далеком городе меньшей.
Старика ночами мучила дорога.
Вдаль свечой манил тоскливый огонек.
Но твердил он: поживу еще немного.
Может, сын ко мне придет на денек!
День вставал и необычно и знакомо.
Уж такая это штука — наша жизнь.
Он глядел, как деловито по-над домом
Стригли воздух острокрылые стрижи,
Как над полем, над селом, над лесогором
Солнце к небу поднималось не спеша.
Что ж ты, Петя? — говорил старик с укором.
И — звенела петушиная душа!..
Долго ль, коротко — о том судить не будем,
Жизнь текла у нас у каждого своя,
Так и жил старик меж праздников и буден,
Не сменял бы петуха на соловья...
Дом, считай, одной ногой стоял в могиле.
В дождь и ветер с крыши сыпалась труха.
Старика за старым домом схоронили.
И в село под вечер взяли петуха.
Но сбжал петух — округе на лотеху!
И с тех пор на Петушиной на горе
Кукарекает заливистое эхо,
И село встает от крика на заре.

(1971)

НЕПРИШЕДШИЕ

*В ряде западных областей
страны в местах боя все еще не
захоронены останки солдат, по-
гибших в Великой Отечествен-
ной...*

(Из газет 1990 года)

Лежат в лесах, не захоронены
За сорок пять победных дат,
Укором вдалеку ушедшей Родине —
Останки мертвые солдат.
Траншеи тянутся, заросшие
Полынной горькою травой.
Березы фронтовые в рощицах
Костям кивают головой.
Те же довоенные солдатские
Им сняты сны и соловьи.
Лежат смоленские и вятские,
Лежат сибирские мои!..
На них луна глядит потерянно,
Да светит им звезда полей.
Судьба погоста не отменила
На отвоеванной земле!
«Простите, без вести родители,
И в скорби ждущая вдова,
Осиротевших победителей
На братском кладбище родства!
Вы, земляки, простите дальние,
Кто выжил всем смертям назло.
Нас выручало ожидание,
Но вам чуть больше повезло».
На зов никто не отзывается.
Неразличимы имена.
Здесь небо всё еще взрывается.
И не кончается война...
И генералы оборонные
Возводят дачи под Москвой...
И ждут обряда похоронного
Бойцы последней мировой...
Тропа беды не мною пройдена.
Но мне, когда гремит парад,
Забитые осколки Родины
Кроваво душу берут.

(1990)

АПРЕЛЬ-86

Как февраль ни артачился —
Апрель миновал,
И в судьбе обозначился
Иной перевал.
Всё подспудное, зимнее
Оттает в душе.
Май проклюнется ливнями
На крутом вираже.
Востер яростно мечется
По дачным местам.
Вроде, вера наметилась
Газетным листам.
Дни грядут невозможные,
Дверь срывая с петель.
В каждом — радость тревожная
Или горечь потерь.
Вороша пережитое,
Мы стоим у межи:
Возникает забытое
Настроение жить.
От надежды — до топота.
Средь позорной войны,
Среди атомной копоти —
Блики теплой весны.

(1986)

Что ж, этот крест и мне нести.
 На том сейчас стою,
 И сам себе, как ни крути,
 Вопросы задаю.
 Взять поколение мое,
 Не знавшее войны:
 Ужась в неведомыи своем
 Не чувствуем вины?
 Где главный школьных дней урок?
 Учитель, мой, скажи:
 Зачем такой огромный срок
 У пропаганды лжи?
 Зачем истории моей
 Повязка на глаза?
 По белым пятнам черных дисей
 Пришлось идти назад.
 Полвека были мы горды
 Энтузиазмом масс...
 И руг, выс без нужды
 Обманывали нас.
 На стройках отбывала дни
 Огромная страна...
 И от верхушечной возни
 Душа обожжена.
 А здесь, на родине моей,
 Деревне выпал путь:
 Ни прокормить, ни напоить,
 Ни выжить, ни вздохнуть.
 И не найти в работе смысл,
 И исчезла цель.
 И равнодушие — не мысль
 На дружеском лице...
 Сменился курс у корабля,
 Добавив нам седин.
 И ждет хозяина земля,
 И к правде путь один.
 В конце тоннеля долгих лет
 Стране забрезжил свет.
 И на вопросы есть ответ.
 И лишь прощенья нет.

(1988)

Памяти А. Д. Сахарова

Слышу Чехова давнесь:
 Видно, русским — судьба
 В жизнь по капле выдавливать
 В душах чувство раба.
 Страх пред властью не вытравив, —
 Разум — в клеть, на замок! —
 Век мой дело не выправил.
 Вождь народов помог...

В положеньи казарменном
 На Планете людей
 Ах, спешили азартно мы
 За теньями идей —
 На обочине Вечности
 В нищете и любви
 Строить Храм бесконечности,
 Новый Спас-на-крови!

И несли поколения
 По России кресты,
 И ложились поленьями
 Перед храмом пустым...
 На спектакле Пожарища
 Отстающих не ждут.
 И найдутся товарищи,
 Что костер подожгут.

Если голод не выжжет нас,
 Фронт не взял на изгиб,
 Если вышло и выжилось —
 Пригубил «перегиб».
 Не оборвана выстрелом
 Жизнь в кошмаре тюрьмы —
 Ад концлагерный выстрел
 На кругах Колымы!..

Всем провидцам последствия,
 Кто отрезся от снов,
 Черной меткой посредственность
 Судьбы метила вновь.

Сорок лет — и всё водит нас
По пустыне пророк...
Спит на паперти Родина,
Заплатив свой оброк.

Пережили и Берию,
И нехватку носков,
И утрату доверия,
И «утечку мозгов».
Вот уж в космос летается,
Но в сомнениях сидим,
И тревожный шатается
В душах страх, словно дым.

От свободы — лишь сполохи.
Крепость веры — стезя.
Чуть сверлешь, идеолухи
Враз одернут: «Низ-зя!»
Поводырь, благодарствуй:
Как с судьбою ни бьюсь,
Своего государства,
Что построил, боюсь!

Век грядет двадцать первый,
Но открою окно,
И натянуты нитвы.
И волнует одю.
Неужели и сыну
Такая судьба:
На просторах России —
С душою раба?..

(1990)

СПИРАЛЬ

На кресте Человече повик.
Нет пророка у Мертвой пустыни.
Стал он мыслью Земли лишь на миг.
И вот это ему не простили.

На костре Звездочета сожгли.
Зерна истины сеял простые.
Лишь на миг стал он мыслью Земли.
И вот это ему не простили.

Гибнет гений, потерян пост.
Красота растворилась в печали.
Мысль становится жизнью планет.
И вот этого ей не прощают.

Распрямляются люди в пыли.
Но у разума боли всё те же:
На мгновенье стать мыслью Земли.
И вот это, пожалуй, утешит.

В дальний космос взлетят корабли.
Что там ждет нас, на звездной поляне?
Лишь на миг станем мыслью Земли.
И, возможно, простят нас земляне.

(1991)

КАЗНЬ ПОСЛЕДНЯЯ

Говорят, всё переменится
В ржавых буднях тупика.
В жерновах державной мельницы
Будет новая мука...
А пока — мученья новые.
Нет войны и нет вождя,
Но за хлебом, за обновами
Мы стоим в очередях.
Тает жизнь ночами душными,
Будто воск свечи в руке.
Но не тает равнодушие
В человеческой реке.
Миф вернулся сном навязчивым.
Древний грек — он знал одно:
У Пандоры в черном ящике
Море бед припасено.
Все достались нам в наследие,
Все — какую ни спроси!
Лишь надежда — казнь последняя
Задержалась на Руси.
И пока безмолвна снежная
Даль российских авеню,
Я последнюю надеждою
Каждый день себя казню.

(1991)

НОСТАЛЬГИЯ

Возвращаюсь домой
После долгого плаванья
По безбрежной земле
Суеты и стыда.
Сколько плакать душе
По утерянной гавани?
Над причалом чужим
Тлест углем звезда.

Память высветит вновь
Утро дальнее, раннее,
Сотворения мира
Очерченный круг:
Луч, проникший в окно,
Колыбель и касание
Чьих-то трепетно-ласковых,
Радостных рук.

Призрак первой любви
Всплывнет вдруг на мгновение
Неслучившимся счастьем
И болью навек.
Лишь ценою потерь
Платим мы откровению,
Постигая, чем жил,
Чем живет человек.

Пусто в небе ночном.
Расставаясь с беспечностью,
Возвращаюсь домой,
К родинку свосму.
Только там суждено
Трижды встретиться с вечностью:
В миг рожденья, любви
И ухода во тьму.

А земные дела?
Всё, что прожито, пройдено,
Всё, что людям оставлю
В печальной стране —

Время спрячет в песок...
Приближается Родина
На зеленых холмах,
В дорогой стороне.

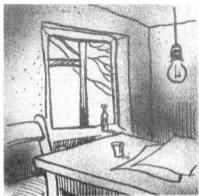
(1983)

Тетрадь третья:

ПРАВ ТОГОЛЬ...

[иронические стихи]

Летим по привычной орбите.
Свои защищаем права.
Но часто торопим события
И в спешке ломаем дрова.
Ошибку не силась исправить,
Горюем, надеемся, ждем,
Что жизнь наша, выйдя из правил,
Сама всё исправит потом.
По ждать — это хуже, чем делать.
И вот, засучив рукава,
Мы спешно беремся за дело.
И снова ломаем дрова.

(1970)

ПРАВ ГОГОЛЬ...

Прав Гоголь — такова стезя
Лицу неостороннему:
В России жить никак нельзя
Без права на иронию.
Вишь, птица шустрая с утра
Пытается, прилежная,
Уйти середкою Днепра
В пространство зарубежное!
Не стоит спрашивать внове,
Зачём себя на высылках,
Подобно унтерше-вдове,
Страна усердно высекла?
Знать, выпал нам такой удел:
Судьбу переназначив,
И тройке шалых лошадей
Оглобли поворачивать!..
Над кем смеемся? — спросит друг.
Он прав до неприличия,
Но жизнь вращается вокруг
Вопроса Городничего.
Слезой жилетку окропи
Чиновной проституции —
Иль право смеха закрепи
Поправкой к Конституции!

(1992)

КОЕ-ЧТО О ТРАДИЦИЯХ

Хотите вы или не хотите,
У нас традиции стары.
Опять идем гурибой на митинг,
Чтоб вздулось пламя из искры.
Вот здесь труда хватает всем.
Плакаты пишем: «Душит голод!»
К борьбе готовим тяжкий молот.
В руке сжимаем ржавый серп...
Коль нету рыбы в океане,
Японец ищет: «Где она?»
А мы спешим на партсебрание
И чистим глотки дотемна.

(1984)

КОНСЕНСУС

(или Письмо двух нашенских колхозников
американскому Президенту)

Мочи нет околачивать груши,
Каждый день окунается в дерьмо!..
Президенту Америки Бушу
Накатали мы с Федькой письмо.
Перестройка застряла в зените.
За шесть лет нету веры словам.
Гражданин Президент, извините,
Обращаться приходится к Вам.
Мы ведь числились долго в героях
И собою гордились вполне.
Всё хотели чего-то построить
В нашей взятой отдельно стране.
Упиралися к праздничным датам!
Только люди ходили тайком
Посмотреть, как живут председатель
И присяжий товарищ партком.
Федька сроду не видел сосиски.
Всё надеялся: купит и съест.
Но деревне лишь «сисыки-масисыки»
Обещал каждый брежневский Съезд.
С перестройкой начались сюрпризы.
Раззуделось и наше плечо!
Рты раскрыв на худой телевизор,
С Федькой спорили мы горячо.
«Эх бы, землю нам, по сту гектаров,
Да хозяином стать по уму!»
Размечтали: в колхозе издаром
Есть партгор — объяснить, что к чему.
Председатель всё сделал, как надо:
«Ах, вы фермеры? Я и не знал!»
Трактористов второго разряда.
Он нас с Федькой на ферму загнал.
Что тут делать? Утерли мы сопли.
И теперь по утрам из дворов.
В руки взяв черенок да оглоблю,
На прогулки выводим коров.
Мы в верха написали на кой-то.
Но ответ так с концом и зачах.
А крестьянам «консенсус» какой-то

Обещал новый Съезд сгоряча.
Федьку аж заколодило в сенцах:
«На фига нам такая игра?»
Тут вон свой здоровенный консенсус,
Хошь кого «поддомкратит» с утра!
Знай, лишь хлопают, язвы их в душу,
Судьбоносные планы творят!
Дай, напишем товарищу Бушу
О согласи — чего нам терять?
Может, выглядит это неловко,
Будто Западу сделан поклон, —
Нам пора выходить на стыковку,
Как в программе «Союз-Аполлон».
В Белом Доме своя напряженка,
Но ответ — для любой мелюзги.
Вы пришлите к нам фермера Джона —
Председателю вправить мозги!
Мы весеннюю тему закроем,
В трубку выкурим пачку махры,
И подумаем, как нам устроить
Добрый мир без вранья и игры.
И однажды весенней порою
Не потонут слова в серой мгле.
Может, вместе чего-то построим
Мы на взятой отдельно Земле!
Пост скриптум
Джона шлите весной, а не летом:
Время — деньги, и к севу впритык!
А пока остаемся с приветом.

Федька с Ванькой.
Колхоз «Большевик».

(1991)

НЕКТО КВОРУМ (монолог соседа по квартире)

Вот уже который вечер
Хмурю лоб, гляжу в экран:
В областном советском вече
Происходит тарарам.
Там избранные народа,
Засучивши рукава,
Нас ведут тропой свободы,
Как Сусанин... по дрова.
Чую, в области не скоро
Будет жизненный просвет,
Потому что некий Кворум
Не приходит в облсовет.
Не видал его ни разу.
Кто таков он? Вот козел!
Он же сессии, зараза,
Взял опять в тупик завел.
Кворум был. Пришел и смылся.
Депутаты — ни гу-гу.
И в работе нету смысла,
Коль его не стергут.
Не хотят решать вопросы
Без него, ну хоть убей!
Кто собакам сено косит,
Кто — в столовку на обед.
Может, мафия хлопочет?
Он мужик, видать, крутой,
Этот Кворум, если хочет
Снова нас вернуть в застой.
Может, инопланетянин?
Просочился в Белый Дом
И нарочно время тянет,
Ждет, когда с ума сойдем?
Сам невидим, очень мелкий,
Вроде есть, а гляньшь — бжик:
На летающей Тарелке
Он над площадью кружит.
Развернется на форсаже
И летит, такой-сякой,
Всё туда, куда укажет
Ему Памятник рукой!..

Ждать, поверьте, надосело.
Мы богаты — нефть, леса,
А с прилавков то и дело
Исчезает колбаса.
Бабки мерзнут в магазине.
Чертыхается народ.
В потребительской корзине
Дно покажется вот-вот.
Без штанов поутру встанешь:
Цены выросли до звезд.
Так чего он, Кворум, тянет
Кошку дохлую за хвост?
Ни ответа, ни привета.
Я немного подожду
И на площадь в Дом Советов
Сам ловить его пойду.
Будь он в форме иль не в форме,
Я найду его на дню,
И на сессию, на форум,
Чтоб дела решались споро,
Кто б он ни был, этот Кворум —
В зал оглоблей загоноу!

(1991)

СУВЕРЕНЫ

(диалог в приобском леспромхозе)

— В леспромхозе, бывшем лагере,
У меня сосед — казах.
Наши две избы под флагами
У поселка на глазах.
Я в трехцвет надел футболочку.
Он — в казахские цвета.
У меня «Сибирь» наколочка.
У него — «Алма-Ата».
У меня жена отличная,
У него апа — жаксы!*
Обе в роли пограничников
Очень даже хороши!
Избы крепко огорожены.
Есть калитка сквозь кусты.
Пес цепной, что твой таможенник,
Рвет штанину в лоскуты!..

— Всё ж сильны привычки к прошлому.
В гости крадучись идем,
Псу бросаем кость-госпошлину,
Он махнет на нас хвостом.
Соберемся, и окажется,
Если быстренько налить,
За столом язык развяжется,
Будет нечего делить.
Лес руби! — вот вся политика.
Мы же, так её и сяк,
Через час наводим критику
На союзный кавардак!..

— СССР теперь ни рублики,
Ни граница не спасут.
Мы с тобой — как две республики,
Суверенные в лесу!
Звонко стукнешь ты по рельсине,
Мол, салют, ядрена вошь!
И как Назарбаев — Ельцину,
Мне послание пошлешь!..

* А п л - ж а к с ы (казах.) — жена хорошая.

— Ох, жаман* теперь на Родине!
Слава чести и уму,
Хоть не всё еще распродано,
Дело движется к тому.
Про веселье и не спрашивай:
Раньше было всё равно —
И в Джамбуле и в Колпашее
Пили крепкое вино...

— Нынче даже и с разбавленным
Нам похмелье не грозит.
Я, как Ельцин — Назарбаеву,
Наношу тебе визит.
Мы нальем бурды по стопочке,
Договор рассмотрим наш.
Ты казахский мелкосопочник
Мне в концессию отдашь.
Ну а я, коль снова клюкнем мы,
Шлепну круглую печать:
Васюган в болотах клюквенных —
На! В аренду лет на пять.
Есть у вас Большенарымское...
Есть у нас в тайге Нарым...
А татар проблемы крымские
Мы потом обговорим!..

(1992)

ЧИСТО РУССКОЕ

Век свободы не заметив,
обижаясь за народ,
мы вождей то тех, то этих
проводим до ворот.
Нас, как водится, по платью
мерит всяк —
аршин на свой:
то особенную статью,
то особенной статьи.

Охладев к переворотам,
мы вернемся на покой,
чтобы в очередь к народам
встать с протянутой рукой.
То прослим на зорьке ранней,
то на митингах орем...
Я опять останусь крайним
меж свободой и царем.

(1993)

* Ж а м а н (казах.) — плохой, плохо.

БАЛЛАДА О ГОЛОЙ СВОБОДЕ

*Свобода приходит поздно...
В. Хлебникова*

Вновь с поля чудес перестройки
В страну тупиков унесён,
Ворочаюсь ночью на койке,
Смотрю удивительный сон.

Людей катастрофой пугают.
Но вижу: сквозь бестолочь лет
Пришла к нам Свобода нагая
И тихо сказала: «Привет».
По крыльям, по рваному шелку
От плети кровавой следы.
В опущенной наземь кошелке
Ни курева нет, ни сям.
Ей нечего выдать народу
В обманутой властью стране,
Свобода — всего лишь свобода,
Она или есть, или нет.

Пред гордой, усталой девой
Стоим мы притихшей толпой:
И думаем: что же нам делать?
Ах, что же нам делать с тобой!
Нам женские праздники — в марте.
Нам в жизни привычной борьба.
Согласно теории Маркса
Построена наша судьба.
К чему нам красотки нагие,
Коль враг окружает кольцом?
У нас на таких — аллергия
В державе с партийным лицом!
Всё было: и в пламя и в воду
Мы, помнится, шли за тобой.
Чего ж ты, нагая Свобода,
Вновь манишь в простор голубой?
С такой не узнаем покоя,
Черт будет толкать под ребро.
А здесь нас накормят, напоют,
Всем тихо поделят добро.
Где ж в оттепель ты находилась?

Ни сил, ни желания нет.
Осознанная необходимость,
Зачем ты нам в семьдесят лет?

Вдруг вышел случайный прохожий,
Смотревший на эти дела,
И горестно вымолвил: «Боже,
Неважно, где раньше была!
По мне хороша и такая.
Пожив за кремлевской стеной,
Изведая тюрьмы и нагаск,
Ты всё же останись со мной,
До смерти мне будешь наградой!»

Но дева взмахнула крылом.
Стояла чель только что рядом.
И лишь опалила теплом.

Я вспомню её, недотрогу,
Уйму непонятную грусть.
Поутру, шагнув от порога,
На грешную землю вернусь.
С трибуны для публики нашей
Отпел большевик — соловей.
Но чувствуем: крепкая каша
Сомнений царит в голове.
Наплачемся с этой морокой!
И долго же, судя по снам,
До царства Свободы дорогу
Придется прокладывать нам.

(1991)

ХРОНИКА

(отрывок)

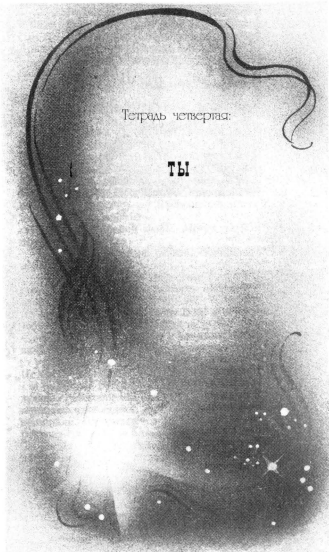
Об этом не пиши.
Недолго до греха.
Расхристанность души.
Растерзанность стиха.
Растерян большевик.
Распутны времена.
Ржавест бронзник.
Развалена страна.
Куда ты, поступи массе?
Обиженных трясет:
Зачем спустили нас
С зияющих высот?
«Чума на вас, на всех!» —
В очередях кричат.
С экрана — кровь и секс.
Парад срамных девчат.
Там — беженцы Баку.
Тут — нищие в метро.
Не купишь табаку.
Не выпьешь поллитро...
Лишь спекулянтам — фарт.
Пышны, как сыр «рокфор».
Для них прекрасен фарс
Проваленных реформ.
Один торгует властью,
Другой готов урвать,
Покуда длится страсть
Глухой борьбы за власть.
Глянь, съезд опять идет.
И речи — как верста.
И караул вот-вот
Объявит, что устал...

(1990)

Много лет
Мы считали,
Что бедность —
Увы, не порок.
Уравнять бы людей
Под гребенку
На шарике этом!..
Уравнял в бедноте
Бангладеш и Россию
Пророк.
И сегодня живу
Я в отечестве
Нищим поэтом.

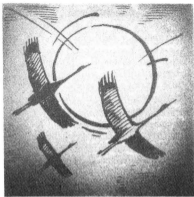
Мы богатство
Соседа
Равняли с нечестным
Трудом.
Поднимали в цене
Общежития земного
Приметы...
До сих пор не могу
Обустроить
Свой собственный дом.
Но все мысли — о том,
Как бы мне
Перестроить Планету.

(1992)

Тетрадь четвертая:

ТЫ

Снежинка,
Мягкая звезда,
В ладонь доверчиво
Уткнулась.
Затем слезинкой
Обернулась,
И вдруг исчезла
Навсегда.
И в тот же миг
Я пожалел,
Ведь звезды падают
Не часто,
Вот эта выпала
На счастье,
А загадать
Я не успел.

(1968)

В душе — сибирская зима.
Мороз, узор в окне.
И кажется, что ты сама
Забыла обо мне.
Опять нет от тебя письма.
И путь к тебе не прост.
В душе — сибирская зима.
Молчанье белых звезд.

(1969)

Ты

Не рассказать тебя стихами,
но пережить тебя как боль...
То наплывает, то стихает
всё, принесенное тобой,
как морем,
яростным — и смиренным,
непостижимым — и простым,
седым и вечно молодым,
в веселье страстным,
страшным в горе.

Всё, принесенное тобой,
то наплывает, то стихает...
Не пережить тебя как боль,
но рассказать тебя стихами,
в которых падает
звезда,
и воздух солью раны лижет,
живая ль, мертвая вода,
но без тебя душе не выжить.

И мне не надо ничего,
лишь вновь — свидания с тобою...
Услышать гулкий плеск прибоя —
удары сердца твоего,
поверить шепоту в камнях
волны,
ласкающей ладони,
увидеть взгляд твоих бездонных
глубин,
глядящих на меня!

(1970)

Лесной пушинкой, не спеша
Вся солнышком просвечена,
Такая чистая душа
Проходит, незамечена!
Плывет, беспечно и легка,
И всем довольна, видимо.
И бабье лето ей пока
Никто еще не выдумал.
Пускай кому-то не до сна,
Ей так легко летается!
Ей эта осень — как весна,
Как мартовская талица!
А я, открытjem поражен,
Ей вслед гляжу растерянно,
Как будто я её нашел,
И вот она потеряна.

(1970)

СВИДАНЬЕ

(шутка)

А было, пожалуй, не сложно
Признаться, что ты не права.
Речушка текла осторожно.
Росу собирала трава.
Звезда, чиркнув спичкой о сферу,
Катилась к туманной воде.
Всё было, лишь не было веры,
И не было веры нигде.
В природе всё было, как прежде.
Но горло мне сдавливал ком.
И грустно шагала надежда
По нашим следам босиком.
Еще не окончилось лето,
Но жизнь намекнула без слов,
Что нам не бродить до рассвета,
И плакала наша любовь.
И не было мне оправдания,
Что вдруг задержали дела.
Я птицей летел на свиданье,
Но всё же ты раньше пришла...
В тумане купалась деревня.
По улице плыли огни.
А мы меж знакомых деревьев
Стояли отдельно, как пни.

(1970)

РОМАНС

Не пытайся расправиться с болью,
Что у левого бродит плеча.
Эту боль называют любовью.
Здесь палач не заменит врача.

Не пытайся по новому кругу
След мой в жизни твоей замести.
Есть сестра у болезни — разлука,
Но её люди лечат в пути.

Впрочем, что ж, попытайся утрами
Напрочь вычеркнуть имя мес.
Но лекарство от сладкой отравы
Только в том, чтобы выпить её.

(1991)

Строго брови у Надежды
Сведены, как два крыла.
Что ж молчишь, молчунья? Прежде
Ты такую не была.
Помню, как смеялась звонко
У весенней речки ты,
Синеглазая девчонка
Из оттаявшей мечты!
Зря твердят, что время лечит.
Надо мной оставив власть,
В тот проклятый майский вечер
Ты ушла и не сбывлась.
Не ходить с тобой нам парой,
Хоть на сердце ты одна.
На моей шальной гитаре
Плачет тонкая струна.
Как над ней я ни колдую —
Не порву, не разрублю.
Ту девчонку молодую
Всё никак не разлюблю.

(1970)

Казалось,
Море перейду,
А дальше —
Отдохну.
В твои ладони
Упаду,
Как в пенную
Волну.

По гибким
Мускулам воды
Был труден
Путь сюда.
Но выручала
Из беды
Зеленая
Звезда.

Вот
Пенный берег!
Я издохнул
И вижу:
Сквозь туман
Ко мне ладони
Протянул
Великий
Океан!

И ты мне
Говоришь:
Прощай,
Но прежде,
Чем уйти,
Ни стих, ни жизнь
Не посвящай
Безбрежности
Пути!

(1970)

Поэв. моёв. маме

Опоздал на похороны мамы,
В вечность вдруг ушедшей навсегда.
В теплый майский вечер каплей малой
Покатилась мамнина звезда,
Вспыхнула, погасла, разлучила!..
Горе оглушило, валит с ног.
Как же невозможное случилось:
Попрошаться с мамой не смог?
Томск, Тюмень, дорога — всё смешалось.
Ты меня, родимая, прости!
Пусть друзья, как могут, утешают,
Мне теперь покой не обрести.
Кладбище и свежая могила...
Отзвук слов попробуй, улови!
Мать моя особенно любила.
Не успел на проводы любви.
Наш заочный час свиданья канул.
Помянуть... Но чудится одно:
Там, на дне граненого стакана —
Горькая вина, а не вино.

(1991)

РЕЧКА ДЕТСТВА

*Мне грустно и легко;
Печаль моя светла...
А. Пушкин.*

Речка брызгается, рыбит,
Серебром звеня.
От моих смешных обид
Бережет меня.
Говорливая вода
Уведет за плес,
Не оставит и следа
От ребячьих слез.
Быстролетная волна
В солнечных огнях,
Что же значила она
В жизни для меня?

В этой маленькой реке
Сила велика.
В ней, как в маминной руке,
Ласка и тоска.
Голосок, звенящий в ней,
Находить учил
К ясной родине моей
Первые ключи.
В тех единственных краях,
Там, у входа в жизнь,
Речка звонкая моя
До сих пор бежит.

И когда мечусь в огне,
Мучусь или зол,
Снова слышится во мне
Её тихий зов.
Я, как в детстве, налегке
Ухожу туда,
Где сверкает в тальнике
Чистая вода.
Лодку легкую кружит,
Падает с весла.
И спадает боль с души.
И печаль светла.

(1974)

Опять оранжевая осень,
 Чиста, прохладна и строга,
 Наносит утреннюю просвядь
 На крутолобые стога!
 Смотри: заметно увядают
 И лес, и травы, и жнивье.
 И птицы к югу улетают,
 Крича про грустность, своё.
 Сентябрь и нас с тобой заставит
 О чем-то тихо пожалеть.
 Услышать скрип забытых ставен.
 Понять печаль пустых полей.
 Жизнь — в поздней прелести природы,
 Что так тревожит и пьянит, —
 Обдумать, взвесить. Даже годы,
 Быть может, переосенить.
 Пусть строчку новую заполнит
 Обычный почерк сентября —
 Ты чувство осени запомни,
 Чтоб в суесте не потерять.
 Наш век спускается с вершины,
 Но ты расстаться не спеши
 Перед сверканьем снежинок
 С прощальным праздником души.

(1972)

1

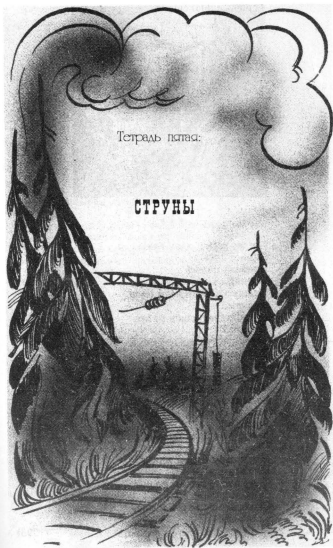
Вот и всё. Вот и осень.
 Золотые дожди.
 И задумчиво очень.
 И просторно в груди.
 Станет в сумерках мгlistых
 Свет озаявшей зари.
 В сад слетаются листья,
 Как на снег — снегири.
 Дней последняя воля,
 И нахлынет пурга.
 Словно мамонты, в поле
 Замирают стога.
 Над пустынною рошей
 Птиц летящих канва.
 Жизнь сложнее и проще.
 Ждут очаг и дрова.
 Еле движется речка,
 Но мороз победит...
 И в побеленной печке
 Огонек загудит.
 Дело тут не в погоде.
 Говорим без прикрас.
 Просто что-то уходит
 безвозвратно от нас.

2

Но однажды в апреле
 В предвечернюю тишь
 Звонко спрыгнут капли
 На завалинки с крыш.
 Засмешься, застонешь!
 В день какой — не поймешь,
 Ты подставишь ладони
 Под ликующий дождь.
 В мире радостном, новом,
 Что всплеснет у окна,
 Есть прекрасное слово.
 Это слово — весна!

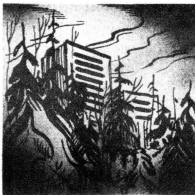
Горячо, удивленно
Вспыхнут губы твои.
Будет шепот влюбленных,
Мягкий трепет хвон,
Свет луны на осоке,
В поле — тень борозды,
И высоко-высоко
До зеленой звезды!
Полон звездного зова,
Вздох в груди затаи:
Возвращается снова
Всё на круги свои.

(1974)

Тетрадь пятая:

СТРУНЫ

Где ж, весна, твои глаза
Синие?
Надоела полоса
Зимняя.
Нелегко квартирный плен
Выдержать.
Хорошо бы в спящий лес
Выбежать.
Заплести тропинок нить
В кружево.
Сок березовый испить
В кружечке.
Потрвожить тишину
Возгласом.
Вдоволь чистого глотнуть
Воздуха!..
Встретит нас панельный дом
Стенами.
Мы уже не будем в нем
Пленными.
С жизнью новыми полны
Связями,
Скажем: нас глаза весны
Сглазили!

(1993)

ТАЕЖНЫЙ БИЛЕТ

Уж такая судьба у меня в 20 лет:
Беспокоит спокойный уют.
Я опять покупаю таежный билет
И дорожные песни пою.

Вслед знакомые лица с укором глядят:
Мол, куда тебя черти несут?
Мало ль в городе листьев намед листопад,
Что ты их собираешь в лесу?

Столько дел, столько встреч, недочитан роман,
Неотправленных писем стопа!
А тебя всё уводит зеленый туман
И сырая лесная тропа.

Я молчу, улыбаюсь вопросам в ответ,
И усмешки своей не таю.
Я опять покупаю таежный билет
И дорожные песни пою.

(1968)

С. С. С.

ПЕСНЯ О ВОКЗАЛЕ

(Томск-1)

Вот опять расставание с городом,
И знакомый вокзал Томск-1.
Старый друг мой, простой, не гордый,
В путь-дорогу меня проводи!
Я волнуюсь, а ты спокоен:
Расстася ведь не до седни.
На прощанье махнешь рукою,
Томск-1, Томск-1.

О тебе второпях забывают
И покинуть тебя спешат.
Только ты не обидчив, я знаю,
Уж такая простая душа.
Незаметно пожмешь плечами
И лукаво вслед поглядишь:
Ты же первым друзей встречаешь,
Томск-1, Томск-1.

Столько этих вокзалов на свете!
Но вот этот вокзал мне мил.
Томск-1 меня юным встретил,
В город дружбы мне путь открыл.
Возвращаюсь из дальних далей.
Свет зеленый, свети, свети!
Он опять меня ожидает,
Томск-1, Томск-1.

(1967—1987)

СТУДЕНЧЕСКАЯ

Томск, Томск —
Улицы все в снегу.
Томск, мой Томск,
В сердце тебя берегу.
Прост и суров,
Дорог, как прежде, мне
Томск, Томск,
Томск, Томск —
Город студенческих дней.

Томск, Томск:
Сколько же лет тебе?
Томск, мой Томск —
Юность в моей судьбе.
Где б я ни был,
Всюду ты снишься мне,
Томск, Томск,
Томск, Томск —
Город студенческих дней.

Томск, Томск,
Снова ручьи звенят.
Томск, мой Томск,
Сколько друзей у меня!
В студгородке,
Слышишь, опять поют,
Томск, Томск,
Томск, Томск,
Песню про юность твою.

(1966)

Мне осталось с тоски лишь повеситься.
 В этом ты виновата сама —
 Общежитская черная лестница,
 Ты не первого сводишь с ума.
 Каблучки простучали точные,
 Как по сердцу прошлись моему!
 Все зовут эту лестницу «черною».
 Вот сейчас я узнал, почему.

Ей давно надо стать бы нарядною,
 Вроде той, что ведет прямо в ЗАГС.
 Только ей ни к чему всё парадное:
 Расцветает любовь на глазах!
 Здесь слова исчезают ученые,
 И не требует пропуск вахтер.
 По ночам с этой лестницей чужою
 Тихо струны ведут разговор.

У нее постоянно поклонники.
 И наука — своя у нее.
 Первый курс, и студенты-дипломники —
 Все проходят площадки её.
 Пусть года у студента — как месяцев,
 Но однажды у всех на виду
 К этой черной, задумчивой лестнице
 Я к тебе на свиданье приду!

(1970)

А. Демьянчуку

Вспомним сборы в Итатке,
 Лето — 73,
 Полк на третьей и ошадке.
 Что-то дрогнет внутри.
 Вновь курсантская рота,
 Распорядку верна,
 Всю премудрость пехоты
 Постигает сполна.

То ли сено косить?
 То ли яму копать?
 Утром: «Круглос — носить!»
 Днем: «Квадратное — катать!»

Мы не плачем, не хнычем,
 Службу четко несем.
 Всё мы делаем иначе,
 Лишь коров не пасем.
 Дома выспимся вволю,
 Здесь нам сны ни к чему.
 По футбольному полю
 Мы гоняем... Муму.

Мы в минуты покоя
 Лихо песни поем.
 Поднимает нас с косяк
 Окрик: «Рота, подъем!»
 Очень склонный к работе,
 Вновь в наряд на «очко»,
 Улыбаясь, уходит
 Химик Вова Клочков.

Друг! Экзамены скоро,
 И — «гражданку» надень!
 Вот закончатся сборы
 Через пару недель —
 Двинем в маршемвом темпе
 В Томск, в вагонном купе!
 Нам уже виден дембель
 У ворот КПП!

(1973)

ФАКУЛЬТЕТСКИЙ ВАЛЬС

Я знаю, не забудется та светлая пора —
Пора надежд, открытий в мире новом,
Когда совсем не строгие мои профессора
Меня учили властвовать над словом.
К нам запросто входили Пушкин, Лермонтов и Блок.
С Есениным — здоровались по ручке!
Был тесен песни круг, и ярок дружбы огонек,
И долго час над книгами в Науке.

Друг мой далекий,
По Томску родня,
Свел нас, как прежде,
Студенческий вечер.
Кружит сегодня
Тебя и меня
Вальс нашей встречи,
Вальс нашей встречи —
Наш факультетский вальс.

С тех пор прошло немало лет для вас и для меня.
Судьбою мы разбросаны по свету.
Но хочется, как прежде, мне друзей своих обнять,
Пройтись по роще Университета!
В России хлеб учителя — не песня соловья,
Рабочий день порой бывает хмурым.
Но мне верны любовь моя, профессия моя,
Оружие мое — литература.

И я в своих учителей по-прежнему влюблен.
И Альма-матер вспоминаю снова,
Когда за школьной партою, открытjem удивлен,
Мальчишка обретает власть над словом.
И может быть, настанет срок, и он, как прежде я,
Придет в Томск, серьезен не по-детски.
Студенческая примет его тесная семья,
И вальс его закружит факультетский!

(1976)

ПЕСЕНКА О СВЕТЛЯЧКЕ

Ночью старый свст таячок
Повернулся на бочок,
Помигал огнем зеленым
И взобрался на сучок.

Сыро, холодно в лесу.
Что-то хлопает в носу.
И нечаянно фонарик
Можно выронить в росу.

И чего бы старичку
Ночью лазить по сучку?
Ведь зарплаты пенсионной —
Лишь на пачку табачку!

Мог бы супчик разогреть,
Телевизор посмотреть.
Нет, он выполз на работу,
Собирается гореть!

С этим дедом я знаком.
У него под кочкой том.
Я спрошу, зачем он служит
На тропинке маячком?

Хлюпнув носом, как гудок,
Отвечает мне дедок:
Ты без света на машине
Влезешь в грязь по передок!

Светит бакен на реке,
И прожектор в тупике.
Маяки есть в океане, —
Только света нет в тайге.

Меж ветвей и паутин
Дважды два сойти с пути!
Так ведь можно до инфаркта
Папу с мамой довести!

Ночью — день наоборот.
И хоть спит лесной народ,

Кое-кто в потемках блудит
И отчаянно орет.

Скажем, вдруг ты опоздал
С турпохода на вокзал,
И с толпой в тасжке бродишь,
Ночь ■ — хоть выколи глаза!

Тут ори, брат, не ори,
Заблудились дикари.
Только чей, смотри, фонарик
Над тропиной гэрит?!

Это старый светлячок
Снова вылез на сучок!
Вот и топайте, ребята,
На зеленый маячок!

(1979)

РАХМАНОВСКИЕ КЛЮЧИ

поэма о жизни в 11

Снова сердце в висках стучит.
За разлукой приходит встреча.
На Рахмановские Ключи
Опускается синий вечер.

Годы прошлое ворошат.
Но до них нам с тобой нет дела.
Здесь оттаивает душа,
Хоть и молодость пролетела.

Вот и песня звучит в ночи.
Ты мне руки кладешь на плечи.
Жаль, Рахмановские Ключи
Нас от поздней любви не лечат.

Пусть наводят тоску дожди,
В клочья рвут облака, как вату.
В том, что лучше — впереди,
Мы с тобою не виноваты.

Мы о будущем помолчим.
Шапки сопок светлы от снега.
На Рахмановские Ключи
Опрокинула осень небо.

(1989)

СКОРЫЙ ПОЕЗД «ТОМИЧ»

Ах, как скорый летит,
Отбивая чечетку на стыках!
Под колесами рельсы,
Как струны, звенят!
Скорый поезд «Томич»,
Ты сегодня прости-ка:
Я не еду в Москву,
Поезжай без меня.

Мне поближе, в Тюмень.
Что-то мама заметно стареет.
Век тревожный летит,
Добавляя сердечных забот.
Скорый поезд «Томич»,
Возвращайся скорее!
Может, в завтрашнем дне
Нам с тобой повезет.

Повезет — мы помним
Во российское лето,
Нашу боль и красу
Поглядим наяву.
Скорый поезд «Томич»,
Я с тобой — на край света!
Но сейчас извини,
Я не еду в Москву.

(1969-1989)

ВАЛЬС НА МОСТУ (школьным друзьям — землякам)

Ах, как быстро время бежит,
Белым снегом бьется в стекло!..
Иногда не хочется жить,
Потому что время ушло.
Кажется, как будто вчера,
Первою любовью полны,
Провожати мы вечера
У речной манищей волны!
Речка звезд несли чистоту.
Воздух от черемух горчил.
Плыл знакомый вальс на мосту.
И кружились пары в ночи.
Там в подругу влюблялся весь класс,
В девочек семнадцати лет.
Жаль, сберег не каждый из нас
Надолго поры этой след.
На мосту играл наш квартет,
От весенней музыки пьян.
Где теперь он, Витькин кларнет?
Где теперь он, Колькин баян?
Жизнь нам отыграла вполне.
Встретила, пряма и груба.
Разлетелись мы по стране,
Мальчики с пушком на губах.
Каждому из нас, земляки,
Довелось в разлуке идти.
Кружит этот вальс у реки
Тех, кто не расстался в пути.
Мы прощались, словно во тьме.
Время не осталось в долгу.
Укатала Лешку Тюмень.
Друга Сашку спрятал Сургут...
Снова душу мне берedit
Незабытой музыки миг.
Жизнь, казалось, вся впереде.
А она — сплошной черновик.
И не удалось разобрать,
Кто мы — смерды или князья?
И пора оркестру играть,
Чтобы собирать нас, друзья.

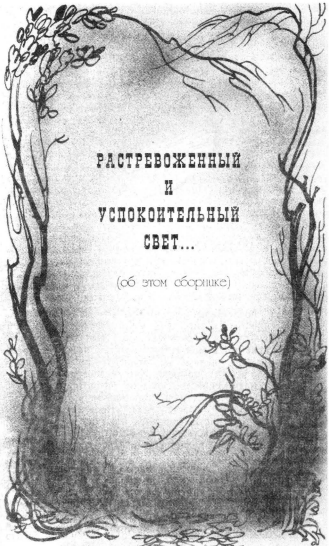
Встретиться — легко ль? тяжело?
Вальс припомнить наш наяву.
Время жить еще не ушло.
И до встречи я доживу.

(1971)

ПЕСНЯ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

Миг — и снегом заплещется воздух!
Среди влажного шелеста шин
Отыщи ему отклик и отзвук
В уголке затаенном души!
Озорное пришествие с неба!
Как нам жить, белый свет не любя?
Окупись в это пенное снега,
Он очистит, возвысит тебя.
А потом, не жалея о лете,
И о солнечном плеске реки,
Во дворе, будто малые дети,
Мы сыграем с тобою в снежки.
Вот летит! Как он плещется, юный!
В нем звучит твой серебряный смех,
Словно звонкие, чистые струны
В тишине тихо трогает снег!
С ним мы станем счастливей и лучше.
Он на улицы ляжет ковром.
И до самой весны будет слушать,
Как душа отозвалась добром.

(1970)

**РАСТРЕВОЖЕННЫЙ
И
УСПОКОИТЕЛЬНЫЙ
СВЕТ...**

(об этом сборнике)

О СТИХАХ Бориса ОВЦЕНОВА

Стихи, представленные автором в этом сборнике, типичны лиричны, в них есть жизнь, есть любовь, есть четкие впечатления от окружающего. При первом же знакомстве, даже при самом осторожном или априорно критическом подходе, нельзя не отметить их поэтичность, графическую ясность, композиционную завершенность.

Пять тематических циклов или, по авторскому названию, «тетрадей», со стержневыми заглавиями: «Этот печальный праздник», «Почталия», «Прав Гоголь», «Тень», «Струны» — эстетически неравноценны, некоторые стихи в них, кажется, насильственно привязаны к тематике, но в целом такой строй придает сборнику прозрачность, ясность и дисциплину.

Стихи Бориса Овценова в любом случае далеки от агрессивной оригинальности «авангарда», в них есть что-то от классичности, старомодное. Но в этих благородно сдержанных по тону, традиционно-книжных по форме, стихах точки зрения общепринятых критериев искусства, вовсе не так все очевидно и просто. За ними угадываются дис-

ратурные авторитеты и традиции, образованность, эрудиция, склонность к строгим оценкам, самоограничение, совесть.

Обаятелен лирический герой поэта, тот, чьими глазами видится, чьим сердцем переживается мир. Наблюдательный, доверчиво-дружелюбный, аналитичный, он видит, слышит, понимает и воспроизводит — согласно опыту своей души, своей судьбы, своей способности «...принять, не вставая с колен, изначально русского слова добровольный и радостный плес» («Слово»). Его поэтическое воображение — это, в сущности, особая форма памяти. У него от природы поставленный голос и свое «пространство дара».

Детство, юность, любовь, мир, искусство, горе, река, причалы, тайга, снег, пригородный сосновый бор, казахстанское озеро, томский вокзал, соклассники, сокурники, учителя, ученики, город, лес, российские неурядицы, голая свобода, слово... — многоцветная палитра впечатлений-переживаний свидетеля, участника, в чем-то даже жертвы хронически перестроенной российской истории, в Сибири вступающей особенно болезненными гранями. Это живое «многозеркалье» звучит, тревожа, просветляя, усмиряя слух и душу, потому что, как говорил один из великих XX века «однажды пережитое не может быть возвращено в хаос никогда» (В. Набоков).

В целом пространство художественного мира автора синонимично опыту русского сибирского интеллигента, живущего в наше время, который способен не только на благоприобретенном, но и на врожденно-наследственном уровне чувствовать свой могучий и несчастный край с его судьбой — «этот печальный праздник».

Привлекает не только обаяние и узнаваемость лирического характера; стихи резонируют, взаимодействуют с душевным стрессом самого современного читателя. Общедоступное, житейское, незначительное отражается в них как важная часть таинственного и величественного бытия. Почталия по лучшему в прошлом и по достойному настоящему — это сегодня неизлечимая болезнь души любого вдумчивого, любящего и ответственного человека, к какому бы поколению он ни принадлежал.

Не отсюда ли — волю или несволю — отражена в стихах и метаморфоза сознания, смена устремлений, переосенка с возрастом и реалиями жизни некоторых ценностей, особенно тех, которые неосцимимы и даны, что называется, с рождения и от бога? Взять, как пример, проблему странствий, «ухода» из дома. Странствия — лейтмотив мо-

лodeжи 60-х и 70-х годов, и это отчетливо проступает в более ранних по времени создания и характеру осмысления метафизических проблем жизни стихах автора:

Уж такая судьба у меня в 20 лет:
Бесплоют спокойный уют.
Я опять покушаю ташайный билет
И дорожные песни пою.

Стихи же об истоках судьбы, о тяге к родным местам, стремлении приблизить, вернуть родину «на зеленых холмах, в дорогой стороне», созданы взрослым, зрелым человеком. В них — другой взгляд, с выверенностью оценок, элигичностью интонации:

...Расставаясь с беспечностью,
Возвращаюсь домой,
К роднику своему.
Только там суждено
Трижды встретиться с вечностью:
В миг рождения, любви
И ухода во тьму.

(«Постальсия»)

Неизбежное возвращение здесь — как способ обретения душевного равновесия, целостности мира и в нем самого себя. Возвращение можно связать и с интуитивно-нравственным неприятием такого, к сожалению, появивающегося в России, исгатиа, как «маргинальность» — потеря чувства малой и большой родины, появления людей, «не помнящих родства».

Лирический герой взращен, воспитан сибирской природой. Она определила свойства его характера, жизненный ритм, немногословность, тонкое чутье и глубину восприятия.

Программным в этом плане и лучшим, на мой взгляд, стихотворением сборника является «Воспоминание о будущем». Оно так органично и цельно, как взгляд, как вздох, что цитировать его — как снежинку разбирать у огня (там, сборник).

Написанное трехдольным дактилическим метром, который у знатоков звалася «языком богов», с неспешным «космическим» ладом в звукописи и ритме, оно волшебным и естественно вводит душу в гармоническое равновесие с Миром. Параллельная метафора (жизнь и вечность), подобно солнечным бликам, дробится в системе зеркал зрения и мысли (реалии — и их философские эквиваленты) — и снова вписывается в единый неделимый круг бытия.

Может быть, заключительные двустишия:

Вот он мне машет рукой, призывая меня.
Я бы вернулась, да жизнь в его мире мгновения.

Дважды в поток не войти. И колени обняв,
Я его жду на закате у края Вселенной. —

навязаны врубелевским «Демоном сидящим», но только с земного, подлинно человеческой любовью? Если и так, то, пожалуй, ни Лермонтов, ни Врубель не отказались бы от этих строк.

Человеку свойственно соотносить свои личные любовь, скорбь, боль, открытия... с такими огромными величинами, как океан, звездное небо, вечные категории пространства и времени, неуловимо перетекающие друг в друга. И даже когда поэт в образе своего лирического героя сознательно и демонстративно подчеркивает это — получается ненавязчиво и красиво:

...Оседает выгонами
Звездная пыльца,
И звенит упругая
Тетива Стрельца.
В домике лесничего
Слышу — издали
Скрип саней Воинского
По Большой Реке.

(«Зимняя ночь»)

Мысль и сердце призывают крупные категории и тогда, когда необходимо преодолеть горе, безысходность, отчаяние от невозможного факта:

Лежат в лесах, не захоронены
За сорок пять победных лет,
У керемь адаль ушедшей Родины —
Останки мертвые солдат.
На них луна глядит потонувшо,
Да светит им звезда полей.
Судьба погоста не отмерила
На отвоинной земле...

(«Непришедшие»)

В этом трагедийном, как и в других стихах Б. Овценова, даже на самые крайние острые социальные темы, нет интонации подвига, торжественного пафоса, взрывчатого протеста. Доминирующими остаются эпическая наблюдательность, вдумчивность, сдержанность, хотя ироничный ум и острый взгляд неравнодушно отмечает парадоксы, нелепости, сущие уродства и жизни, и российской ментальности:

...До сих пор не могу
Обустроить
Свой собственный дом,
Но все мысли — о том,
Как бы мне
Перестроить Планету.

(«Много лет мы считали...»)

Поэзия, главным образом, все же феномен языка, а не идей, хотя последнее и есть содержание первого. Под этим углом зрения многие стихи сборника убеждают, что возможностями слова, звуковой интонацией, стихотворной техникой автор владеет свободно, профессионально. Рациональных, «сделанных» стихов несмного (может быть, это: «Студенческая», «Вальс на мосту», «Кос-что о традициях», «Песня курсантской роты»...)

Чаще же, даже публицистические по теме, например, «Памяти Достоевского» — «живорожденные» и звучат пленительно и мелодично:

Все ж придется самим
Постигать, почему век от века нам
Бестоловая жизнь
Сходит с рук, хоть горька и смешна.
Покаяния ждем?
Но в державе покаяться некому.
Среди тех, кто бы смог —
Гробовая стоит тишина.

А в лучших на мой взгляд, лирических стихотворениях: «Ностальгия», «Воспоминание о будущем», «Речка детства», «Ты»... — сквозит подлинная высокая поэзия, с чистым тоном и ритмом, с редким тактом в обращении к интимному. Их двух-трехдольные стопы структурированы по классическим канонам, мерно, стройно. Рассматривая эту плавность, волно или несвольно замечашь три доминанты: течение жизни — движение воды — люющая звукопись стиха. И кажется, все они обусловлены врожденным для сибиряка образом реки. И это подтвердится, стоит лишь взглянуть на оглавление...

В иных, не названных «речными» именами стихотворениях, так или иначе, главной или частной темой тоже присутствует «чувство чуть неземное», «снятыя речка и челн». Так что:

...Живая ль, мертвая вода,
но без тебя душе не выжить.

(«Ты»)

Интересно, что и природу художественных просчетов (они разумеется, есть, особенно — в иронических стилизациях, таких как «Консенсус», «Суверены», «Некто Кво-

рум»... тоже легче всего увидеть в развитии темы реки. В прямом и переносном смысле.

«Река мелеет постепенно,
Тернет гладь и глубину», —

когда люди вмешиваются в ее жизнь своей цивилизацией. То же происходит и со стихами, когда поэт начинает по-газетному, «научно излагать» аргументы.

Например, в полном согласии элементов поэтики, «текут» лирические воспоминания о прошлом реки:

Давно ль в ней жили ширь закатов,
И шум лесов, и те года,
Когда не знала перекатов
Вольшая светлая вода...

И вдруг старинная, шарующая плавность «забурлила» на сухих прозаизмах, как вода на камнях переката:

Но вот пришли однажды люди
И распхали берега.
И осушили мелководье,
Вблизи повывели леса...

И — поэзии как не бывало! К счастью таких «перекатов» немного. В основном в сборнике господствуют плавность, мелодичность. Рифма чаще всего — точная, богатая, причем не только конечная по положению в стихе, но и внутренняя (ассоциативная). Рифмы не банальные, не примитивны, но чисты и оправданы, как прозрачный холодный воздух осени. Иногда созвучны не только слова, но и строчки. Элементы поэтики на всех структурных уровнях как бы устремляются к «одухотворенности круга», от кольцевой композиции стихотворений (см: «Сегодня праздник — ледоход», «Город и лес», «Птицы и люди», «Вечер. Обь»...) до фонетической округлости стоп.

И думается, что надо бы рядом с каждым стихотворением печатать и ноты. И еще: что мягкость, человечность характера лирического героя естественно отрешают его от конкретной остроугольности, от резкости звуков и раздраженной реакции.

Владея «послушностью необходимых слов», автор иногда открыто и оправданно использует литературные реминисценции: «да светит им звезда полней», «кто выжил всем смертям назло», «наяс, как водится, по платью, мерит всяк аршин на свой, то особенную статью...» Их давно освоенная метафоричность способствует сближению лирического героя с читателем.

И в заключение — несколько слов о личности автора. Творческий путь Бориса Овценова начался в Томске в конце, как мы их называем, либерально-перспективных 60-х годов. Стихами и мелодиями тогдашнего студента филфака ТГУ был окрашен целый слой томской молодежной культуры. По крайней мере для двух-трех поколений студентов песенный портрет их юности связан с этим именем.

С течением лет всё атомизировалось, растворилось, разошлось в памяти вышедших из студенческого братства и разлетевшихся по стране молодых специалистов. Катушечные магнитофоны с песнями студенческих отрядов и общезитий (вместе с владевшими этими записями институтскими радиоуздами) тоже погрузились в тихие воды Леты.

А жаль: из-за русской сибирской щедрости, прямо пропорциональной богатствам, ушло и забылось столько родного, прекрасного, милого, выразительного, и сколько еще уйдет.

Все, что людям оставлю
В печальной стране,
Время спрячет в песок...

(«Ностальгия»)

Сегодня, пожалуй, ни сам поэт, ни тот, кто когда-то слушал и пел его стихи, не скажут, сколько их кануло в нашей литературно несобираательской, неиздательской жизни. «В России и талант не спасает», — прав был В. Набоков.

Впрочем, возможно, Б. Овценов и был бы давно признан читателями и критикой, по крайней мере, как был признан «на слух», если бы он раньше представил свои стихи в печать. Периодические публикации здесь не спасают. Автор оказался по-старинному нравственно здоровым: никакие экстремальные перипетии и рыночные условия не загубили его, не «опрагматили». Он — из тех, кто сам себя утверждать не умест, кому нужна литературно-критически-издательская забота — увы! — извечно и до сих пор дефицитная в Сибири, давно и молча наблюдающей, как се «испробивные» таланты «уходят в песок».

Жизнелюбивая и грустная, без категорических императивов, поэзия Бориса Овценова настраивает на добро, на причастие к поиску гармонии в судьбах человека, народа, мира. В клубящемся хаосе деталей и случайностей нашей жизни его песенные стихи будят ассоциации, напоминают-

ся, оставляя в душе растревоженный, но — чаще — успокоительный свет. Отмеченные достоинства этого сборника дают основание утверждать, что издание его было бы очень добрым значительным делом.

15.05.93.

Р. И. КОЛЕСНИКОВА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры эстетики
и истории культуры Томского
государственного университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «Этот печальный праздник»

1. «Сегодня праздник — ледоход»	4
2. Весна в тайге	5
3. Томская акварель	6
4. Вербное воскресенье	7
5. «А поэзия ушла...»	8
6. Вечер. Обь	9
7. Судьба реки.	10
8. Жажда (гротеск)	11
9. Город и лес	12
10. Сказ о мертвом озере	14
11. Покров	16
12. Зимняя рыбалка на Томи	17
13. Зимняя ночь	18
14. «Чувство чуть неземное...»	19
15. Воспоминание о будущем (Полдень)	20
16. Слово	21

II. Ностальгия

17. «С этой болью, видно, не расстанусь...»	24
18. Памяти Достоевского	26
19. Птицы и люди	27
20. Сказ о Петушиной Горе	29
21. Непришедшие	30
22. Апрель-86	31
23. Вопросы в 1988-м	32
24. Пленники страха	33
25. Спираль	35
26. Казнь последняя	36
27. Ностальгия	37

III. Прав Гоголь (иронические стихи)

28. «Летим по привычной орбите»	40
29. Прав Гоголь	41
30. Кос-что о традициях	42
31. Консенсус	43
32. Некто Кворум	45
33. Суверены	47
34. Чисто русское	49
35. Баллада о голой свободе	50

36. Хроника (отрывок)	52
37. «Много лет мы считали...»	53

IV. Ты

38. «Снежинка, мягкая звезда...»	56
39. «В душе — сибирская зима»	57
40. Ты	58
41. «Лесной пушилкой, не спеша...»	59
42. Свиданье	60
43. Романс	61
44. «Строго брови у Надежды...»	62
45. «Казалось, море перейду...»	63
46. «Опоздал на похороны мамы...»	64
47. Речка детства	65
48. Сентябрь	66
49. Две мелодии года	67

V. Струны

50. «Где ж, весна, твои глаза синие...»	70
51. Таежный вилет	71
52. Песня о вокзале (Томск-1)	72
53. Студенческая	73
54. Черная лестница	74
55. Песня курсантской роты	75
56. Факультетский вальс	76
57. Песенка о святячке	77
58. Рахмановские Ключи	79
59. Скорый поезд «Томич»	80
60. Вальс на мосту	81
61. Песня о первом снеге	83
Об этом сборнике (рецензия)	85

0 31 Овценов Б.
Этот знаменитый праздник: Стихи. — Тюмень:
Вектор Бук Лимитед. 1993.—96 с.

© Овценов Б., 1993

Художник А. В. Соловьев
Редактор С. В. Долгов
Техн. редактор Т. И. Лескина
Корректор В. А. Киселева

Сдано в набор 24.08.93. Подписано в печать 27.09.93.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 3,22.
Тираж 75000. Заказ 1556.

Издательство «Вектор Бук Лимитед».
625002, Тюмень, ул. Осипенко, 81.
Отпечатано в АО «Слово Тюмени».
625002, Тюмень, ул. Осипенко, 81.